

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт психологии
Кафедра психологии образования**

**ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Материалы Международной научно-практической конференции
18-19 октября 2017 г.**

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Екатеринбург 2017

УДК 159.99:37.015
ББК Ю957.6
П86

рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве *научного* издания (Решение № 733 от 12.12.2017)

Редакционная коллегия:

Н.Н. Васягина, докт. психол. наук, профессор кафедры психологии образования ФГБОУ ВО УрГПУ;

Е.А. Казаева, докт. пед. наук, профессор кафедры психологии образования ФГБОУ ВО УрГПУ.

П86 Психология семьи в современном мире [Электронный ресурс] : сборник материалов Международной научно-практической конференции / Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-7186-0951-6

Сборник материалов Международной научно-практической конференции посвящен актуальным вопросам современной психологии семьи, проблемам и перспективам ее развития. В данный выпуск вошли статьи ученых-исследователей, психологов-практиков, учителей, педагогов, студентов, магистрантов и аспирантов психолого-педагогического и педагогического направлений подготовки, раскрывающие сущность обсуждаемой проблемы. Материалы сборника могут быть полезными преподавателям, аспирантам, студентам, работникам системы образования.

УДК 159.99:37.015
ББК Ю957.6

ISBN 978-5-7186-0951-6

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2017

ФРЕЙМИНГОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЛЮБВИ В ОБРАЗОВАНИИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Статья посвящена верификации фрейма «Личностное достижение любви» посредством математической «ортогональной системы координат» применительно квинтэссенции Я пяти социально-психологических факторов, подразделяемый на пятьдесят технологических ортов когнитивного, аффективного, генетического, конативного и рефлексивного функционирования психики. Нарративные единицы, вербализующие фрейм, являются частным стохастическим значением обладания любовью, определяемого концептуально-прагматическим контекстом личностного выбора.

Ключевые слова: личностные достижения, любовь, фреймы, семейные отношения, теопсихологический дискурс, студенты.

*Malinovsky Evgeny Leontyevich,**associate professor of the psychology of education, Institute of Psychology,
Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank,***FRAMING REFLECTION OF LOVE IN EDUCATION OF STUDENTS**

Abstract. The article is devoted to the verification of the frame «Personality achievement of love» through the mathematical «orthogonal coordinate system» applied to the quintessence of self of five socio-psychological factors, divided into fifty technological units of cognitive, affective, genetic, conative and reflexive functioning of the psyche. Narrative units verbalizing the frame are a particular stochastic meaning of having love, defined by the conceptual-pragmatic context of personal choice.

Keywords: personal achievements, love, frames, family relationships, theopsychological discourse, students.

Персонологическая проблематика любви актуальна для психологии семьи и в целом университетского образования в той степени, в какой личность студента является индивидом, осознающим свою продуктивность в сверхчувственном выборе другой личности. В то же время, предмет духовных исканий остается за пределами университета. Не случайно, в поиске смысла жизни студенты часто переходят от образовательных стандартов к сомнительным религиозно-сектантским представлениям, пополняя собой группы риска и ряды маргиналов. Хотя «По причине умножения беззакония во многих охладает любовь» [10, Мф 24], известно также, что «Когда умножился грех, стала премного изобиловать благодать» [10, Рим 5]. Пока любовь как «совокупность совершенства» [10, Кол 3] не элиминирована из общественного сознания, личность обучающего и обучаемого уверена в том, что «нет больше той любви, как если кто душу свою заложит за друзей своих» [10, Ин 15]. Дружба – это доверие: «веровал Авраам, и это вменилось ему в праведность, и он наречен другом Богу» [10, Ик 2]. С дружбы с Логосом начинается отцовская и сыновняя любовь. Не смотря на то, что Логос, то есть Слово, бывшее «В начале» [10, Ин 1], остается «зоной ближайшего развития» для «младенца мужского пола» [10, Откр 12], в своей актуальности оно уже вложено в подобие первоначально господствующего образа: «мужчину и женщину, сотворил их» [10, Быт 1]. Процесс образования – это целенаправленное формирование человека по образу и подобию любящего Творца. Отсюда целью нашего исследования является вооружение студентов финальным знанием любви в

ходе теопсихологического дискурса, то есть такого речевого поведения, при котором субъект встает на место познаваемого объекта как своего личного предшественника в части тех отношений, на которые распространяется право выбора. Объект исследования: становление любви как особого типа интерперсональных связей в процессе образования субъекта. Основными теоретическими задачами данного этапа исследования были выявление концептуальной линии любви в интенциональном синтезе методологии отношения и психодинамического направления личности; операционализация теологических понятий в плоскости психологии образования; верификация теопсихологического дискурса как формы обратной связи любви и личности в образовательном диалоге; опробирование фрейма-абдукции нарративной триангуляции текста (ФАНТТ) в качестве исследовательского инструмента личностного достижения любви. Предмет исследования: онтогенетическое становление личности студента и отношение любви в ходе теопсихологического дискурса. Гипотеза: образование служит логическим онтогенезом личности в деле открытия вложенной потребности любви.

Исследовательский интерес к заданной проблематике вызвала опытная феноменология любви в контексте образования и развития личности, выполненная М.И. Розеновой. Этот почин способствовал как скрупулезному отслеживанию факторов профессионального образования с критическим анализом недостающих системных представлений предмета любви, так и творческому решению задач по развитию потребности в аллоцентризме (гр. *allos* – иной), ценностной профессиональной квалификации, отсутствие которой у психолога сводит жизнь его пациента на уровень «жизни замечательных существ». Очевидно, что тема любви, «не такая популярная, как другие, но психологически ключевая для формирования и развития отдельного индивидуума» [8], остается приоритетом все еще не популярного у нас психодинамического направления науки.

Методология отношения личностной любви как прагматического бытия (греч. *τα πράγματα εἶναι*) не может быть рассмотрена вне духовной вложенности образа человека. Не трудно заметить, что современные условия образования буквально сотканы из альтернативных онтогенезу комплексов, которые детерминированы процессами реификации (лат. *reification*, от *res* – вещь), то есть ошибки овещствления, превращающего деперсонифицированные квази-феномены любви в чувство вины, вплетенное в сознание человека как напряжение между требованиями Сверх-Я и достижением Я [11]. Неизбежным следствием образовательной реификации является профессиональный снобизм как распространенная среди ученых невротизация научной предубежденности, при которой эксперты высшего разряда остаются в поле зависимости от собственных же учебно-методических дифференций, служащих сопротивлением любви как неделимой структуре индивида. В силу подобной субъект-объектной многомерности онтогенез любви наиболее уместно исследовать в интегративной связи психодинамического направления науки с методологией отношения, разрабатываемой такими авторами, как М. Аргайл, А.А. Бодалев, Б.С. Братусь, А.В. Брушлинский, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, Я.Л. Коломинский, И.С. Кон, А.Ф. Лазурский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, М.К. Мамардашвили, Н.Н. Обозов, А.В. Петровский, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, В.И. Слободчиков, В.В. Столин, В. Франкл, С.Л. Франк, Л.Б. Шнейдер, М.Г. Ярошевский. Ученые рассматривают отношение как психологическую категорию, релевантную целостному человеку, а не его части, даже такой значимой, как психика. Психологическая категория отношение является основополагающей для гармонического брака в работах Е.А. Гавриловой, И.Г. Малкиной-Пых, В.В. Слепковой, В. Хааса, В.М. Целуйко, Б. Хеллингера, Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса.

Обсуждая фактор отношения как «соприсутствия духовного сущего другому существу», В. Франкл, вопреки столь самоочевидной «неслиянности» духа и материи, приходит к выводу об интенциональности как «жизни души в предметном бытии». Тем самым признается не просто соприсутствие двух природных начал любви, а «укорененность» одного в другом, их «органическая слитность» [3, с. 16]. Интенциональное отношение любви удовлетворяет потребность в ней по мере представленности самого объекта любви в нас и нашем окружении: «Любой психический феномен, – свидетельствует Франц Brentano, –

содержит в себе нечто в качестве объекта. В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любится, в ненависти – ненавидится» [2 с. 33]. Схема объекта психической детерминации *libido* содержится в классической теории психоанализа: «У Фрейда сексуальное влечение является вложенным инкорпорированием (*Verkörperung*) желаний жить» [15, с. 54]. Если психически детерминированной природе «вложенности» (лат. *injectio* – вбрасывание) придать духовное «восстание» любви в истинном теле (лат. *verum corpus*), то «не по закону заповедей плоти, но по силе жизни непрерывной» [10, Евр 7, 16], как «отпрыск и как росток из сухой земли» [10, Ис 53, 2], онтогенез торит себе дорогу (нем. *Bahnung*), от природного индивида до потребностно-поведенческой личности, «вложенной» (гр. *Kolpon*) в «недра», точнее в оригинале, в *πατέρας του κόλλου*, «во влагалище Отца» [17, с. 322]. «В центре вызывающего сегодня улыбку преформизма – свидетельствует Жак Деррида, – лежит теория вложения. Но чему тут улыбаться? Наверняка, взрослому существу в миниатюре, но также и тому, что естественная жизнь наделяется чем-то большим, нежели конечная цель: деятельным провидением и сознающим свои плоды искусством. Но когда речь идет об искусстве, которое природе не подражает, когда художником является человек, а плоды приносит именно сознание, преформизм уже не вызывает улыбки» [4, с. 56]. Гипотеза вложенности вполне сочетается с метафорическим представлением З.Фрейда о религиозном счастье: «Наш Бог логос, голос которого тихий на фоне других богов, но он удовлетворит из наших потребностей то, что позволит ему находящаяся вне нас природа, но не сразу, а постепенно и для будущих детей человечества» [11, с. 351]. Гипотеза вложенности, совпадает, таким образом, с теологией подобия (*simmile*) Слова в личности Творца [10, Ин 1]. В то же время психоанализ служит методом дознания того, что происходит с личностью в процессе возврата универсальности, прозрачности сознания на фоне диагностики речевых нарушений Слова.

Путь идентификации любви открывает человеку его личностную ценность для другого в психологии счастья, ставшей пока главной научной репрезентацией его достижения через любовь к ближнему [1]. Предсознательное вживания в любовь к неведомому Отцу униженного манипуляцией развода 6-летнего Никиты вывело нарративную сцепленность реплики: «Мама, смотри, вон ничейный папа валяется». Так, отрываясь от ранящего «Реального», нарушая границы «Символического», «Воображаемого» открывает Иное (*allos*) Имя Отца [15]. Счастье – это религия любви, при которой каждый становится частью Другого. Тогда Логос – это ценностное тело влюбленной личности, которая видит Другую личность и доверяет ей диалог.

Образовательный диалог может состояться только при наличии фрейма (англ. *frame* – рамка, остов), как инъективного, вложенного текста, не только организующего мысли субъекта в рамках культурно-научной парадигмы, но становящегося остовом его продуктивности. Диалогически произвольно «фрейм структурирует и инкорпорирует ключевую информацию, подверженную извне верификации типичными обстоятельствами и каузальными схемами, событиями, здравым смыслом» [5]. Если воля и отношение счастья – это религиозная интенция, то фрейм отношений аккомодирует психоаналитическую схему для словесных репрезентаций любви. По правилам структурной лингвистики Ф. де Соссюра, лингвистический знак представлен двусторонним, принципиально диалоговым психическим элементом *S/s*. В нем *s* – означаемое понятие и *S* – означающий акустический образ бессознательного – вместе образуют нарративную сцепленность структуры *S/s* как сингулярного центра, невидимого ядра фрейма. Например, *Discourse la Methode P.* Декарта представлен нулевой точкой, за которой есть означаемое *s* в гипотетической дедукции *dubito ergo cogito, ergo sum*. Коллаж координатных функций на *S*-топику означающих *id-ego-suprerego*, схватываемых, стягиваемых (*abduct*) презумпцией «онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризма» [7, с. 545] генерирует *S/s* сингулярность однородного рассказа. Так, координатная сингулярность имитирует особый вложенный порядок языка и мысли в перспективе устранения дефекта «Непредставимости ускользающего объекта, функционирующего как нехватка бытия» [4, с. 58]. В нашем измерении лакановская триангуляция стягивает (*abductio*) ψ -объект его корневой интенцией любви вплоть до упразднения бинарных (субъект-объектных) характеристик ду-

ши «разумной, доброй и вечной». При этом, нарратив Я представляет собой генезис – стержневое единство потребности и речевого поведения, из которого так или иначе высвечиваются фазы психосексуального подвоя. Отношения подвоя создаются между объектом и *ikon*, «иконическим знаком», к которому Ч. Пирс относил «простые качества» означаемого объекта, в том числе, метафоры, схемы, фигуры, также и «нефигуративные изображения» [6]. Триангуляция широты *cogito*, глубины *id* и высоты *Logos* представляет собой психоаналитическую схему проторенного Голосом любви пути (у Фрейда, *Bahnung*) в сфере бессознательно еще на «Стадии зеркал» (Ж. Лакан). Гипотетическая расстановка «зеркал» идеальных рефлексий типа «иду...верю» в ортогональном секторе *xu* системы координат адекватна гиперболе «Зазеркалья» (Л. Кэррол) как «Реального» хода вещей «хочу...люблю», при *-x(-y)* инкоординировании. Если кольцо «Воображаемое» в виду проекции «знаю...мечтаю...интересуюсь» как-то зацепит за живое большую нехватку бытия Логоса в секторе *-xu*, то «Символическое» эстетически «приятно..желаю..могу» удивит интросекцией влечения и очарования в секторе *x(-y)*. Инъективный гомеоморфизм или вбрасывание фрейма получает статус верифицированного только тогда, когда сингулярный центр субъектного осознания (*-xu*), индивидуальных диспозиций *x(-y)*, природной предпосылки (*-x(-y)*) и поведенческого выбора *xu* стянут (*abduct*) нарративным фокусом ψ (*psy*) на пересечении XYZ координат науки, искусства и права (религии). Взаимное соответствие смыслов и значений определяет фокальную и рельефную топику «Я» системы, при которой триангуляционный фокус сопряжен пересечением оси независимой направленности (*applicata*) с зависимой переменной мотивации (*abscissa*) и постоянной упорядочности (*ordinatus*) диспозиций. Таким образом, биологический индивид, постепенно увеличивая степень организованности и самоконцентрации, эволюционирует в мысль, которая, следуя законам конвергенции, неизбежно сближается с Духом голоса. Графически эволюционный процесс можно изобразить как конус пространства-времени, в основании которого – множественность и хаос, а на вершине – высший полюс эволюции последнего объединения в любви как «точке Омега» [17].

Если последняя литера греческого алфавита омега Ω – 24-я, то литера Ψ (греч. ψ) – 23-я буква. В древнем греческом алфавита буквы Ψ не было. Эта «новая» буква стала частью логотипа почти всех психологических организаций мира. Число 23 напоминает о человеческом геноме, состоящем из данного количества пар хромосом в ядре и митохондриальной ДНК. Двадцать две аутосомы Z и седьмая пара половых геном X и Y вместе с митохондриальной ДНК человека содержат примерно 3,1 млрд пар оснований, наличие в которых Y-гометы создает метафизический прецедент половой асимметрии. Метафизика как учение о неизменных, Богом данных началах мира открывает свои тайны в ставшем доступным опыте, по Слову первой личности: «Се, творю всё новое» [10, Откр 21]. Основоположники «персонализма» Р.Декарт, Г. Лейбниц, автор этого термина Г.Тейхмюллер, а также неотомисты Э. Мунье, Ж.Маритен и Э.Жильсон признают основанием бытия личностные системность как высшую духовную ценность. Это, несомненно, структурирует предмет психологии семьи на основании индивидуации метафизических категорий: бытие, вещь, единое, особое, истина, красота, добро.

Триангуляция многочисленных, порядка шести тысяч, нарративов студентов и прихожан, собранных за долгие годы работы в семи белорусских университетах, катехизическом колледже имени З.Лозинского, Минской духовной семинарии и приходе Кирилла и Мефодия в Баранавичах Брестской области, отражает уникальные нарративы «Заброшенности» или *Verpachlestung* (М.Хайдеггер) на фоне сюръективных (лат. *sur* – «над» и *jactio* – бросаю) проекций, при которых отображение множества на множестве характеризует некий один элемент этого множества, принимающий на себя всевозможные психологические функции. Сюръективность высказываний имеет тенденцию эпиморфизма, то есть говорения, находящегося «над» (гр. *epi*) формой общественного сознания (философия, наука, право, религия), либо возле (*para*) нее, как, например, выражение «жить по понятиям». В этом случае, выборка характерна ранжированием политического, затем религиозного, реже эстетического, еще реже научного, авторитета. Поле противоречий, провоцирующих инъективные высказывания, связано у одних с комплексом двойных стандартов, у других с жадой перемен. Социальная незащищенность

молодых людей переживается ими как конфликт между стремлением к инициативе в личной жизни (генетальная стадия) и сопротивлением принятия решения с фиксацией сознания на оральной и анальной стадиях. Покидая материнскую защиту в виде гомогенной ригидности «Она мать, ну и права» современные носители Эдипова желания сводят отношение любви к вынужденному влечению с пассивным предпочтением «Великого мастурбатора» С. Дали. У некоторых происходит фиксация либидо, вытесняющая влечение на оральной стадии (молитва, пост), у иных на анальной стадии (целибат, безбрачие). В результате, у носителей инъективных проекций наблюдается склонность к сопротивлению «Я» всяким проявлениям либидо, заменяемым такими комплексными объектами, как *alma mater* или *matres nutrientibus* (кормящая мать), *stabat mater* (стоя перед матерью), *mater dolorosa* (скорбящая мать). Прохождение следующих фаз связано с фаллическим и латентным развитием личности, имеющей дело с закреплением либидо на аллоцентрическом сексуальном объекте сопротивления. Оказывается есть *Leben*, жизнь как таковая, и *Lieben*, любовь к другому, то есть бесподобному. Эти две независимые (от фиксирования на оральной и анальной стадиях) переменные дерзновенны в оценке студентами все той же съеденной Эрихом Фроммом сосиски в постовом детстве или отказе от Эдиповой жертвенности в подглядывании (*eidos*) за девочками в Интернете или в повести И. Бунина «Митина любовь». Опыт теопсихологического консультирования на приходе и в катехизическом колледже предоставляет материал, по которому переживание сексуальной девиации довольно плотно удерживается интолерантностью к неопределенности (по шкале Д. МакЛейна, 1993) на латентной фазе развития и коррелирует с показателями внешнего локуса контроля супругов, отмеченных тенденциями к сексуальному фетишизму или предпочтениям. Причем, аббревиатура БДСМ-практик (бондаж, доминирование, субмиссия, садизм и мазохизм) по определению включала сюръектизм высказываний партнеров, избегающих необходимость соответствовать нормам, задавая себе возможность дополнительного возбуждения в аффективной сфере «избранного», значит сектантского поведения. Появление и расширение границ данной суб-культуры является отражением «лукавства рода сего», чьим смыслом существования остается воспоминание «экссклюзива».

Личностной катастрофы удастся избежать таинством покаяния (гр. *metanoia*) – смены ума на фазе латентного научения, показательного при цитировании студентами притчи о блудном сыне [10, Лк 15]. Дискурс касался момента сыновнего покаяния, возможного только при наличии Отческой любви. Особенно актуальной фигура отца становится на фоне материнской социализирующей протекции любви как «Плодотворной восприимчивости», сопровождаемой, по Э. Фромму, терпением и ригидностью [13]. Если в притче о Блудном сыне и отце фигура матери, вообще, отсутствует, то в истории с поиском 12-летнего Отрока в храме и «Матери, ждавшей Его вне дома» происходит перераспределение воспитательных полномочий вначале на «учителей, которых слушал Иисус и спрашивал их» [10, Лк 2, 42] затем на «учеников, исполняющих волю Отца», которые для Него «и брат, и сестра, и мать» [10, Мф 12; 50]. Мужественная любовь в инъективных высказываниях характеризуется, как по Фромму, «вмешательством, проникновением, активностью, дисциплиной и авантюризмом» [13]. Студентами было отмечено, что авантюра раздачи наследства Блудному сыну, на которую смог пойти лишь любящий, значит, рискованный отец, связана со смертельными перипитиями и скачками, в отличие от социометрической хитрости Ревекки [10, Быт 27], взявшей на себя ответственность за стягивание (англ. *abduct*) первородного статуса для сына Иакова.

Половая асимметрия любви задана метафизикой «Двое будут в плоть одну» [10, Быт 2, 23]. Если иным, изначальным образом вложен выбор бесподобной жизни, то осуществление намерения становится возможным лишь за счет жертвенной любви к миру «Единородного Бога, сущего во влагалище отца», растолкованного Им через свое собственное Имя [17, с. 322]. Дело в том, что ψ – Иисус, Иегошуа (ивр. Ягве спасает) является абдукцией имени $\eta\eta$ – Ягве, что означает «Быть. Становиться». Сопротивление сингулярной ономастике на столь велико, что в конспектах духовной семинарии, имя Иисус обезличивается до официальной трактовки «Бог спасает».

Лекция по психологии сопровождалась рефлексией слушателей относительно их главной потребности. На общем фоне «валеомоторизованных нужд» потребность единственной из группы студентки иметь семью вызвала иронию, сравнимую с реакцией 9 «Б» на одиозное сочинение Нади Огарышевой из знаменитого кинофильма «Доживем до понедельника» режиссера С.Ростоцкого. Четкие, «без обиняков» образовательно-экономические линии молодежи оказались напрочь изолированным от потребности любить. Видимо, кризис белорусского «не писающего мальчика» благополучно миновал стадию рецессии, вплотную приблизившись к конъюнктуре работника парткома из биографии невыездного в 60-е годы из-за любви к японке дирижера Рудольфа Баршая: «Так любите? А мне вот не довелось». Очевидно, юные белорусы приобретают защитный комплекс практической сообразности, не переходящей черту неадекватности научному сленгу. Мол, символизируй свое зеркальное Я в зеркале Жака Лакана, ибо ты дискретен: «Когда говоришь о любви, становишься имбецилом». Рожденный отцовской любовью Логос – это, увы, не символический интеракционизм, но «достаточно хорошая», согласно Д.Винникоту, теория [14], способствующая переосмыслению известной дилеммы Р. Кеттела «Личность – то же, что и любовь: все знают, что она есть, но не знают, что это такое». Теопсихология оказывается здесь при том, что становление личности не мыслимо без отцовской любви: «Бог есть любовь» [10, 1 Ин 4, 8]. Актуализация речевого поведения личности в «меру свободы и ответственности» (В. Франкл) осуществляется при диалектическом снятии (нем. *Aufhebung*) защитных механизмов невротика достижением ассертивности (лат. *assertor* – защитник). В образовательном ключе заповеди блаженств вечно индетерминирует толерантность субъекта познания: «Блаженны нищие духом» – «Что это?». Но духовно нищему имбецилу нет дела до субъекта, он уже, «*Schon!*» у М. Хайдеггера, защищен своей индивидными границами бытия без сознания. Субъекту же познания придется либо приложить усилия по вхождению в персональное «Блаженство миротворцев, ибо они сынами Божиими нарекутся» [10, Мф 5, 9], либо отказаться от любви «имбецила».

На очередном семинаре объектом предполагаемой адопции (лат. *adoptio*, усыновление) стал Антон К., некогда не знавший значения собственного имени (с гр. «Приобретение в замен»), зато ныне оправдавший его ассертивностью. Защитив в метро честь незнакомой девушки перед бандой ценой потери правого глаза, юноша на суде простил преступников, приобретя взамен физического зрения «Реальное» прозрение Эдипа. Стоила ли любовь жертвы, ведь незнакомка всего раз навестила в больнице героя? По признанию Антона, стоила, ведь раньше, в подобной же ситуации, Эдипово желание спрятаться за маму перекрыло ассертивный выбор. Ныне его мотивация «могу» исполнилась мужеством, эффективным при кульминации сопротивления, которое, по Лакану, «происходит от невозможности субъекта преуспеть в области реализации своей истины» [15]. Успех Антона стал сингулярным, то есть таким прогрессирующим моментом, по прошествии которого жизненный путь индивида оказывается недоступным только для рационально субъективного объяснения. Ибо личность так превосходит интеллект, как технология превосходит понимание. Онтогенетическим основанием личности служит «Индивид, осознающий свою индивидуальность» [9] в «иерархии личностных смыслов (А. Н. Леонтьев).

Логическое основание всех независимых переменных любви есть исполнение определения: «Не жертвы хочу, а милости, и боговедения более всесожжений» [10, Ос 6, 6]. Образование личностной любви сопровождается инъективными высказываниями студентов, соотносящими свое мышление, поведение и образ действий сексуального характера с качеством отношений: этических, эстетических, решения проблем, готовности трудиться, умением откладывать удовлетворение на потом, ответственностью в социальных отношениях, заботой о других, воображением брака, вложенного в небеса: «Тайна сия велика есть» [10, Эф 5, 32]. Теопсихологический дискурс ставит вопрос не столько о сверхчувственном качестве, сколько об онтогенетическом чувстве любви с правовым выбором Другой личности, в том числе, личности Единородного Логоса, совладеющего событием любви. Если потребность в любви не получает достаточного удовлетворения в личности, то человек вынужденно переносит свои надежды на всякий новый авторитет. При анализе гомогенной ситуации, пе-

ренос выступает в виде «сильнейшего сопротивления», в то время как в личном выборе любви он является залогом успеха, при котором «Только ценные и уважаемые в нашей реальности лица все еще могут быть сексуальными объектами для бессознательного в нас» [11]. Что бы ни говорили ученые и поэты о любви, со временем, о них забываешь, но никогда не забудешь автора «Отче наш» и 13 главы Первого послания апостола Павла к Коринфянам: «Сегодня я знаю отчасти, завтра познаю подобно как я познан. Ныне же пребывают сии три: вера, надежда и любовь, но любовь из них больше». Если логика большой любви исполнит личность, то прочный семейный успех не заставит себя ждать.

Список использованных источников:

1. Аргайл, М. Психология счастья. – М. : Питер, 2003. – 272 с.
2. Брентано, Ф. Избранные работы / составл., перев. с нем. В. Анашвили. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1996. – 176 с.
3. Галажинский, Э. В., Ключко, В. Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. – 2011. – № 4 (68). – С. 16-21.
4. Гуссерль, Э., Деррида, Ж. Начало геометрии / пер. с фр. и нем. и послесловие М. А. Маяцкого. – М. : Ad marginem, 1996. – 80 с.
5. Мазиллов, В. А., Янчук, В. А. О методологических проблемах исследования культурного фрейминга // Человеческий фактор: социальный психолог. – 2012. – № 1 (23). – С. 23-29.
6. Математическая энциклопедия / гл. ред. И. М. Виноградов. – М. : Издательство «Советская энциклопедия», 1977 / 1985. – 2921 с.
7. Постмодернизм. Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис, 2001. – 1038 с.
8. Розенова, М. И. Психология чувств и отношений: парадоксы любви. – Омск : Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2005. – 152 с.
9. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. – Спб. : Питер, 2002. – 720 с.
10. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Библия. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1983. – 2035 с.
11. Фрейд, З. Психоаналитические этюды. – Минск : «Попури», 2010. – 608 с.
12. Франкл, В. Человек в поисках смысла : сборник / пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
13. Фромм, Э. Искусство любви. – Минск : ТПЦ «Полифакт», 1991. – 224 с.
14. Шарфф, Д. С. Основы теории объектных отношений. – М. : Когито-Центр, 2009.
15. Шукуров, Д. Л. Имя Отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 5. – № 3. – С. 51-59.
16. Шарден, Т. Феномен человека / пер. О. Вайнер. – М. : Полиграфиздат АСТ, 2011. – 384.
17. The Greek New Testament / United Bible Societies. – Philadelphia: UNITED BIBLE SOCIETIES, 1996. – P. 933.